

ВХИБАРКАХ из жести и фанеры, в богатых особняках Шишли — во всем Стамбуле зазвенели стекла. Из древней византийской крепостной стены, тянущейся от Айвансарая до Едикуле¹, выпало еще несколько зубцов.

Грохочут пушки. Страна переживает исторический день! На стамбульском рейде появились американские военные корабли. Стамбулу оказана великая честь — американцы приветствовали город орудийным салютом. Турецкий крейсер «Явуз», стоящий на рейде против дворца Долмабахче, ответил им двадцатью одним залпом: «Алейкюм селям!» Еще двадцать один раз прозвенели стекла в домах, и наши гости бросили якорь.

Корабли обнюхивали друг друга, как собаки из разных кварталов. Гости были из той породы, что в 1915 году драпали от Чанаккале², что в день освобождения Стамбула, удирая, прихватили с собой Вахидеттина³.

Вслед за взаимными орудийными салютами последовала такая сложная церемония, что я всего и не упомянул. Но если память мне не изменяет, американский адмирал в первую очередь нанес визит стамбульскому губернатору и командующему военным округом. Зазвенели бокалы. Потом целый отряд официальных лиц — от генералов до мелкой сошки — явился с визитом на американский авианосец. Снова звенели бокалы. Вечером в муниципальном казино «Таксим» был устроен коктейль в честь американских моряков. На следующее утро народ... простите — приглашенные по полицейскому списку осмотрели корабли. На пресс-конференции американский адмирал, не успев протрезвиться, произнес речь, в которой коснулся ряда вопросов по своей прямой специальности. «Турция — сельскохозяйственная страна, — сказал он. — Такой она и должна остаться. Водка у вас неплохая. А ваши женщины просто восхитительны. Одеваются они так, что их невозможно отличить от наших...»

После этого исторического заявления адмирал

¹ Шишли, Айвансарай, Едикуле — кварталы Стамбула.

² В 1915 году турецкие войска разбили английский десант в Чанаккале на берегу Дарданелл.

³ Имеется в виду национально-освободительная война против империалистов Антанты (1919—1922 годы). Последний турецкий султан Вахидеттин бежал из Стамбула на английском крейсере.

отправился на банкет в Дом армии. А вечером ответный банкет был дан на палубе авианосца. На следующее

утро, прихватив с собой целую кучу представителей отечественных и иностранных акционерных компаний, адмирал в специальном вагоне экспресса укатил в Анкару. Он посетил Чанкаю⁴, и там продолжалась взаимная торговля... простите — визиты. В Стамбуле спиртное лилось рекой. Не ударила в грязь лицом и столица. Пропади все пропадом! Пей, гуляй! Ваше здоровье!

На голодный желудок перечислять все банкеты и приемы не хватит сил. Поэтому вернемся-ка мы лучше в Стамбул.

Весь город разукрашен турецкими и американскими флагами. Повсюду висят транспаранты: «Добро пожаловать!» Даже надписи на общественных уборных переведены на английский язык. В меню ресторанов и закусочных «русские салаты»⁵ переименованы в «американские». В гузна вареных куриц, выставленных в витринах, воткнуты американские флажки. Короче говоря, все и вся — от губернского начальства до последнего солдата на артиллерийском полигоне — готовы встретить светлое будущее!

Ждать пришлое недолго. В сдвинутых на затылок белых, как поварские колпаки, форменных шапочках, с выпущенными на лоб чубами, в расстегнутых до пула рубахах джонни высыпали на берег. Расклеванные понизу брюки обтягивали их зады, как полковые барабаны. Вот какие это были шикарные парни! Бравые ребята: не успев еще крикнуть вам «Хэлло!», они уже похлопывают вас по плечу и дергают за нос. Непонятно только, почему у наших детей был такой испуганный вид. Наверное, они стеснялись своих цивилизованных братьев, приехавших к нам насаждать культуру... Завидев их, иной мальчонка забывал от удивления закрыть рот и утереть нос. Постояв немного, он спешил удрать подобру-поздорову, придерживая рукой соскакивающие штаны. Маленькие девочки на тонких, как шпильки, ножках прятались от стыда и страха за материнские юбки. А мои взрослые соотечественники, надвинув кепку на глаза, молча почесывали затылок.

Но испуганные физиономии наших детей и мрачное молчание взрослых не смутили джонни:

⁴ Чанкайя — резиденция президента Турции.

⁵ «Русский салат» — винегрет.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

РАССКАЗ

ФАХРИ ЭРДИНЧ

Турция

они не остались в обиде на встречу. К счастью или к несчастью, есть еще в нашей стране уличные девки. Они-то и проявили гражданское мужество и не дали морякам скучать на чужбине.

Короче говоря, праздник удался на славу. За двадцать семь веков своего существования Стамбул не переживал и двадцати семи таких счастливых минут. Вы думаете, я выдумал эту историческую фразу? Ничего подобного. Так, буква в букву, было напечатано в наших газетах. Когда-то евнухи в гаремах хвастались мужскими принадлежностями своих хозяев. Так теперь наши газетчики до одурения хвалятся американской помощью: «Американцы дают нам самолеты и танки! Из Америки прибыло тринадцать тракторов!» Но газеты забывают сообщить о самых важных американских товарах, которыми забиты наши рынки. И прежде всего о целых пароходах жевательной резинки. Это — чтобы мы много не болтали. Потом о шести-стах шести тоннах игральных карт (чтобы у нас не было времени подумать о выходе из создавшегося положения). Пришли к нам на помощь американцы, все нам дали — от расчесок до нейлоновых панталон, так что теперь наших проституток и не узнаешь.

Кто сказал, что в Турции закрываются фабрики? Это просто реконструкция.

Кто сказал, что растет число безработных? Ведь они мрут как мухи.

Кто сказал, что в Бурсе шелководы вынуждены были срубить сто тысяч тутовых деревьев и продать их на дрова? Просто пятистам тысячам шелкопрядов так надоела их кропотливая работа, что они решили теперь лежать на спине и благодарить аллаха за нейлон. Вот в чем дело.

Кто сказал, что американцы продают нам гнилые товары? Они что, крестьяне, которые перекасят старого ишака и ведут его на базар? Они красят не ишаков, а танки и корабли.

Американцы строят в Турции военные дороги и аэродромы? Верно, строят. Но строят потому, что наша страна — это рай для туристов. Да к тому же наши правители — самые честные люди на свете. Нужно быть дураком, чтобы отказаться от того, что само в руки падает! Да здравствует демократия!

Итак, американская эскадра осчастливила Стамбул. В этот день в газетах появились еще два важных сообщения. Голливудская звезда Рита Хейворд провела свою первую брачную ночь. Журналисты, выступавшие против американской «помощи», провели первую ночь в тюрьме.

Сегодня Стамбул напоминает поле ромашек. Как только гости в своих бело-желтых шапочках высыпали на улицу, город приобрел на редкость приятный вид. Американцы до отказа забили трамвай,

Рисунок Е. Шукеева

автобусы, кондитерские, рестораны, бары, кино, театры. Для них — все бесплатно. Сегодня Стамбул отдает себя на милость победителям. На улицах Бейоглу⁶ фестиваль скандалов. На крытом рынке — грабеж. Почти у каждого джонни в руках янтарные четки или жасминный мундштук, изделия из бисера, миниатюрные наргиле, брусские кинжалы, трости из бамбука, постолы, фигурки Карагеца и Хадживата⁷ или даже трут с огнивом. Для торговцев живым товаром, для промышляющих в барах спекулянтов от порнографии сегодня большой день.

На одном из перекрестков я увидел худого, как скелет, парнишку. Он был почти голый, непрерывно кашлял. Если бы вы дали ему денег, у него не нашлось бы даже кармана, чтобы их спрятать. Сегодня у него руки полны окурков. Нашлось и ему чем поживиться — американцы бросают сигарету,

⁶ Бейоглу — фешенебельный район в европейской части Стамбула.

⁷ Карагез и Хадживат — персонажи народного теневого театра.

сделав всего две-три затяжки. Но в «Честерфильде» — крепкий табак, будешь кашлять еще хуже, сынок!

Абаноз⁸ оцеплен турецкой и американской военной полицией. Кроме гостей, никому входа нет. Американцы наносят официальные визиты в дома терпимости. Смятые долларовые бумажки перекачивают из кармашков для часов в нейлоновые чулки, хрустят за пазухой хозяйки веселого дома.

...Вечером я спустился к мосту через Золотой Рог. В воздухе была разлита печаль; казалось, снова наступили дни оккупации. Я посмотрел в сторону Эюбского кладбища, и мне показалось, что я вижу, как мертвецы поднимаются из могил и, взвалив на спину надгробные камни, покидают оскверненный город, исчезая за свинцовыми куполами мечетей.

— Налетай!

Этот крик вонзился мне в ухо, как гвоздь. Я обернулся и увидел уличного торговца.

— Налетай! Средство от пятен! Американское! От головной боли — грипин, от пятен — пятнопин. Если вам за шиворот упадет жирная пища — не беда! Пятнопин выводит соленые, сладкие, жирные пятна! Никакого обмана! Проба бесплатно. Потом не говорите, что не видели!

Он хватал кого-нибудь из прохожих и, найдя на его одежде пятно, принимался выводить. Несколько человек купили его средство. Парень закричал еще громче:

— Двадцать пять курушей! Никакого колдовства, никакого чуда! Американский синтетический пятнопин! Стоит потереть им самый грязный шоферский комбинезон, и можешь садиться в первый класс туристского теплохода. Даже сажу в трубу выводит!

— И пятна на совести выводит, сынок? — спросил его какой-то старик.

Парень усмехнулся.

— Выводит, папаша! Потрешь лицо самой законченной проститутки — станет четырнадцатилетней девочкой. Это ведь пятнопин из Америки.

— Почему ты его здесь продаешь? — спросил я его с серьезным видом.

Парень побледнел и опустил руку в карман:

— Ей-богу, у меня есть разрешение. Подпись, печать — все в порядке.

— Брось, я не из муниципалитета и не из полиции. Я просто интересуюсь, почему ты здесь торгуешь.

— А где же мне торговать?

— Ты говоришь, выводит пятна на совести? Тогда продавай свое средство участникам демонстрации Национального союза студентов⁹ вместо мятых лепешек.

Парень уже смекнул, с кем имеет дело.

— Верно, — сказал он. — Но еще лучше отправиться в Анкару и продавать пятнопин во дворе меджлиса! Но... Не раздувай углей на моих руках — у меня на руках трое сирот!

* * *

В тот же вечер у площади Таксим навстречу мне попало несколько джонни. Они опаздывали на корабль и стремглав летели вниз, к берегу моря. Как женщина, пройдя мимо вас, оставляет за собой аромат духов, так они оставляли за собой струю водочного перегара. Одного из них вырвало прямо против «Парк-отеля». Пьяный в дым молокосос-лейтенант забрался на спину негру-матросу.

В полутьме на перекрестке я увидел другую группу американских гостей. Они стояли плечом к плечу, образовав круг. Один из них сидел в центре на корточках. «Наверное, играют в жмурки», — подумал я и остановился. Но они стояли молча и неподвижно. Наконец тот, что был в середине круга, встал, товарищи взяли его под руки, и они ушли. Только тогда я увидел, что они оставили на асфальте подарок, забыв, правда, перевязать его ленточкой. Воистину американские гости осчастливили даже мостовые Стамбула!

Так прошли все три праздничных дня. Прошли как сон... На четвертый день утром снова раздались орудийные залпы. А потом... Скажем только, что в это же утро более половины личного состава эскадры явилось к врачам продолжать лечение от некоторых не совсем приятных болезней. Ими они наградили на память тех женщин, с которыми имели дело в Стамбуле.

Газеты поместили прощальную речь американского адмирала: «Мы покидаем вашу страну глупо взволнованные. Мы близко познакомились с турками. Оказывается, за несколько лет вы продвинулись вперед на несколько столетий».

Нет, господин адмирал. Мы, действительно, не те турки, о которых ты читал в романах Пьера Лоти. Но и теперь ты не знаешь нас. Турки — это не те, с кем ты чокался и кому жал руки в Стамбуле и в Анкаре. Придет день, когда турки выйдут из своей страны и непрошенных гостей, и их слуг, как прогоняют с огорода наглого ишака. Но — и сто раз но, господин адмирал, — мы не питаем вражды ни к одному народу. В тот день, когда будет предъявлен счет вашим и нашим банкирам, мы от всего сердца обнимем наших американских друзей.

Перевел с турецкого

Р. Фиш

⁸ Абаноз — квартал публичных домов в Стамбуле.
⁹ Национальный союз студентов — реакционная студенческая организация.